

Когда Шэн Хун, наконец, заступил на службу в новой должности, это повлекло за собой кардинальные изменения атмосферы в доме. Следует отметить, что переехав в префектуру Ден, он стремился сформировать о своей семье хорошее мнение и стать неким примером гармоничных взаимоотношений с заботливыми родителями и почтительными детьми. Это стало бы их первым вкладом в налаживание отношений с окружающими. Так что, когда он, наконец, перебрался в свой новый кабинет, он подобрал прекрасный, солнечный день, идеально подходящий для того чтобы привести свою жену, Ван Ши, трёх своих сыновей, четырёх дочерей, и несколько служанок в придачу, чтобы выразить дань уважения пожилой госпоже Шэн.

Когда Шэн Хун и Ван Ши вошли в зал Шоу'ань, пожилая госпожа Шэн, сидевшая на своём диванчике луохань, поприветствовала их. После чего слуги расположили детей, чтобы те выражали своё уважение в определённом порядке. Первыми стояли трое законных детей, за ними стояли четыре ребёнка от наложниц, но самим наложницам не позволили прийти вместе с ними.

Минлань, а точнее Яо Ии, проснувшись утром, чувствовала себя не слишком хорошо. Она даже не успела позавтракать, когда внезапно служанка четырнадцати-пятнадцати лет вывела её из комнаты, сказав, что настало время выразить уважение. Она была второй с конца и только впечатавшись головой в пол в поклоне она, наконец, проснулась.

— Выражаю вам своё уважение, бабушка.

Учитывая то, что до этого момента Минлань старалась говорить поменьше, опасаясь сказать что-то неправильное, когда она открыла рот и произнесла это, её слова были похожи на невнятное бормотание, голос звучал слабо. Это вызвало у кого-то усмешку. Когда Минлань оглянулась в поисках усмехнувшегося человека, она заметила, как стоящая сбоку Жулань прикрывает рот рукой. Неподалёку от неё стояла красивая и изящная, утончённая юная леди, которая, судя по всему, была слегка старше Жулань. Минлань решила, что это и была четвёртая дочь, юная госпожа Молань. В её волосах была пара белоснежных нефритовых заколок, она была одета в одежды из муслина с изящно вышитым рисунком озера. Её поза полностью соответствовала правилам: изящество в ней переплеталось с уважением.

Шэн Хун слегка нахмурился и взглянул в сторону Ван Ши. Та, в свою очередь, бросила свирепый взгляд на служанку, стоящую позади Жулань. Служанка тут же склонила голову, на её лице читался ужас.

Глядя на Жулань и Молань, пожилая госпожа Шэн мысленно вздохнула. Затем взглянула на выглядящую глупо Минлань, обсмеиваемую другими, но игнорирующую это, всё ещё стоящую посередине комнаты со смущённым видом... И, потянувшись за чашкой чая, прикрыла лицо рукой, чтобы скрыть эмоции, отпивая. Она продолжала склонять голову всё ниже и ниже, до тех пор, пока самый младший из детей, Шэн Чандун, не закончил выразить ей уважение.

— Я уже так привыкла к тишине и спокойствию, царящим здесь, — произнесла она после этого. — Так что мне очень не нравится шум, который неизбежно вызывают скопления людей. Мы же все семья. Не обязательно устраивать такие церемонии. Вы можете выразить мне своё

почтение как обычно: раз дней в десять. Или реже.

Пудра на лице Ван Ши не смогла скрыть её румянец, который был таким ярким, возможно из-за того, что она хорошо отдохнула прошлой ночью.

— Что же вы говорите, пожилая госпожа! Это обязанность младшего поколения: выражать своё почтение старшим, в нашем случае — вам. В прошлом я всё ещё не повзрослела достаточно, чтобы понять это. И я позволяла себе игнорировать эту обязанность. Но недавно господин открыл мне глаза, так что поверьте, ваша невестка осознала свои ошибки. Надеюсь, вы простите глупость вашей невестки и не будете держать на меня зла. Приношу вам свои искренние извинения, — договорив, она подошла и поклонилась пожилой госпоже Шэн.

Пожилая госпожа Шэн посмотрела на Шэн Хуна. Тот, в свою очередь, тоже склонился в поклоне и произнёс:

— Матушка, а как же ежедневные приветствия утром и вечером? Всё это, а также обязанность подавать вам каждый день чай — отныне её обязанность. Если матушка не позволит этого, то ваш сын может расценивать это только как то, что вы до сих пор злитесь на вашу невестку. То, что до сих пор в доме не было порядка — вина исключительно вашего сына. Ваш сын готов лично посетить могилу отца, дабы принять любое наказание.

Ван Ши промокнула лицо носовым платком и, посмотрев покрасневшими глазами на пожилую госпожу, произнесла:

— Матушка, ваша невестка осознаёт, что была неправа. Пока я была не замужем, меня учили, что самая важная добродетель — уважение к своим родителям. Однако, после того как я попала в семью Шэн, я позволила семенам испорченности прорасти в моём сердце. Мой темперамент ухудшился, и из-за этого я забыла о своих обязанностях перед вами. Вам следует наказать меня, госпожа. Если вам не нравится шум и толпы народа, в будущем мы учтём ваши желания и будем выражать своё уважение по одному.

Когда Шэн Хун услышал её тихий и жалобный голос, его глаза тоже покраснели.

Минлань стояла в конце левой шеренги и смотрела вперёд. Она не удержалась и вспомнила, как прошлым вечером эта парочка репетировала данную сцену до тех пор, пока они не смогли даже плакать одновременно. Минлань бросила подозрительный взгляд на их рукава. «Они что, серьёзно воспользовались луком, чтобы расплакаться?» — подумала она. Пока эти мысли занимали её голову, остальные дети продолжали стоять на коленях и по очереди умолять госпожу Шэн. Каждый из них старался делать это с максимально честным видом. Было похоже, что если пожилая госпожа Шэн всё же не разрешит им выражать ей почтение, они немедленно умрут, переполненные грустью и с разбитым сердцем. Поскольку до юной госпожи Жулань вещи доходили немного медленнее, чем до остальных, стоящая позади служанка надавила на её спину, заставляя поклониться. Увидев это, Минлань неосознанно тоже склонилась в поклоне, даже несмотря на то, что она не знала, что сказать.

Видя происходящее, пожилая госпожа Шэн тяжело вздохнула и отказалась от всяких попыток сопротивления. Взмахом руки она приказала служанкам помочь Шэн Хуну и его супруге подняться на ноги.

— Раз так, мне придётся вас послушать, — сказала она, взглянув на ошеломлённую Минлань, хрупкую худенькую девочку, поднявшуюся на ноги последней.

Шэн Чандун был ещё слишком маленьким и не мог долго стоять прямо, поэтому, после того, как он поклонился, старшая служанка унесла его из комнаты, а оставшиеся в комнате люди вновь расселись по своим местам.

До этого Минлань не вполне понимала, как именно нужно было правильно выражать своё почтение. Согласно её представлениям, чтобы выразить своё почтение, хватило бы просто спросить у пожилой госпожи «как у вас дела?», при необходимости разбавив это репликами «как ваше здоровье?», «не нужно ли вам как-то помочь?» и так далее. Но видя как младшие служанки приносят маленькие круглые табуретки для всех присутствующих здесь людей, Минлань подумала, что ей следует пересмотреть своё видение этого процесса.

Выражение почтения в древние времена было самым важным делом в больших семьях и поместьях. Жёны глав семей, руководившие поместьями, отчитывались о происходящем своим свекровям или просили у них совета по актуальным вопросам. Если детей воспитывала бабушка, то, посещая её, мать имела возможность взглянуть на своё дитя и пообщаться с ним. Если же детей выращивала мать, то она приводила их, чтобы дедушка с бабушкой могли их увидеть, тем самым укрепляя семейные узы, ну или, как минимум, позволяя им поиграть с детьми и порадоваться этому.

К несчастью, Ван Ши не делала ничего подобного достаточно долгое время. Она даже не могла определиться, стоит ли ей разговаривать в более формальном или в более неформальном тоне. Она вообще не была уверена в том, стоит ли ей говорить что-то о пожилой госпоже Шэн. В результате, также несведущий в этих делах Шэн Хун намеренно сопровождал их сегодня. Это была не только возможность больше узнать о таких делах, он также исполнял роль миротворца, помогая разрушить стену между ними.

— Матушка, как вам нравится ваше пребывание здесь последние несколько дней? Погода в префектуре Ден не столь тепла, как в префектуре Цюань, — заметил Шэн Хун.

— Да, здесь немного прохладно, но это совершенно не мешает мне, — ответила пожилая госпожа Шэн.

— А мне префектура Ден нравится больше, чем префектура Цюань. Здесь есть прекрасные высокие горы и бескрайние водные просторы. К тому же, мы живём неподалёку от берега, так что климат здесь более мягкий. Как по мне, господин выбрал отличное место: оно не слишком холодное, и не слишком сухое, — с улыбкой сказала Ван Ши.

— Для такой старой женщины, как я, всё это не так важно. Лучше скажите мне, как себя

чувствуют дети. У них всё хорошо? — спросила пожилая госпожа Шэн, глядя на своих внуков, сидящих в два ряда.

Ван Ши посмотрела на Чанбая воодушевляющим взглядом, после чего Чанбай встал и, слегка поклонившись, как того требовали правила, произнёс:

— Отвечаю на слова бабушки. Ваш внук считает, что это место просто великолепно.

Он сказал всего лишь двенадцать слов и сел.

Пожилая госпожа Шэн отставила чашку чая в сторону и перевела взгляд с Шэн Хуна и Ван Ши на детей. Шэн Хун никак не отреагировал на это, однако Ван Ши почувствовала себя неловко и украдкой глянула на своего сына.

Следующим был Шэн Чанфен, он был ребёнком наложницы Линь, как и его сестра Молань. Скромная улыбка промелькнула на его честном лице со светлой кожей, и он звонким голосом произнёс:

— У каждого места есть свои преимущества. В префектуре Цюань была тёплая погода, а префектура Ден более богата. Разве в нашей стране, которая прямо под небесами, существует нехорошее место? Несколько дней назад ваш внук прочитал поэму Ду Цзымея:

«Великая горная цепь —

К острию остриё!

От Ци и до Лу

Зеленеет Тайшань на просторе.

Как будто природа

Собрала искусство своё,

Чтоб север и юг

Разделить здесь на сумрак и зори». Множество великих мудрецов были выходцами из провинции Шандунь, а эта великая гора Тай должна быть очень красивым местом. В любой день, когда вы пожелаете, бабушка, мы можем посетить её, — он говорил чётко и громко.

Шэн Хун покивал головой с удовлетворённым видом. Пожилая госпожа Шэн долгое время не

отводила от него взгляда, задумавшись, после чего произнесла:

— Малыш Фен хорошо учится, не так ли? Учитель лестно отзывается о его успехах, особенно он восхваляет его стихи и эссе.

Постепенно атмосфера в зале Шоу'ань становилась всё комфортнее, а Шэн Хун, в свою очередь, становился всё счастливее. Большинство детей чувствовало облегчение, только Ван Ши улыбалась натянутой улыбкой. Придя в себя, Минлань осознала, что она крепко сжимает носовой платок, словно бы это было горло Чанбая, из которого ей очень хотелось бы выдавить ещё несколько слов.

Хуалань искоса посмотрела на Ван Ши, после чего повернулась к ней и игриво произнесла:

— Бабушка так превозносит третьего брата. Мы, девочки, определённо ей не нравимся.

— Что за ерунду ты говоришь, — пожилая госпожа Шэн тепло улыбнулась. — Когда ты была ещё маленькой, твой отец лично учил тебя читать и писать, не считая того, что он приглашал тебе учителей. Как же можно не любить старшую молодую госпожу? Хуалань, ты уже такая большая девочка, но чем старше ты становишься, тем больше ты непослушна.

Шэн Хуалань родилась в идеальное время: как раз тогда, когда Ван Ши и Шэн Хун были молодожёнами, и она даже сумела подружиться с пожилой госпожой Шэн. С годами, уже после рождения её младшего брата, она становилась всё более прелестной и, будучи законной первой дочерью, она была абсолютно и бесповоротно избалована. Пожилая госпожа Шэн воспитывала её некоторое время, но, поскольку Ван Ши не хотела расставаться с ней, вскоре её вернули обратно. Но среди всех остальных внуков пожилая госпожа Шэн больше всего любит именно её. Например, юная госпожа Жулань, рождённая той же матерью, была рождена далеко не в столь идеальных условиях.

— Отец учил старшую сестру? Тогда почему же он не учит меня? Я тоже хочу учиться! — как и ожидалось, Жулань спрыгнула с табуретки и, подбежав к Шэн Хуну, потянула его за рукав с видом избалованного ребёнка.

— Тебе не следует так себя вести! — Ван Ши буквально подтащила Жулань к себе и принялась её отчитывать. — Ты же знаешь, твой отец сейчас очень занят на работе, у него нет времени на игры. Ты даже не можешь сидеть спокойно, когда практикуешься в написании иероглифов! И ты требуешь пригласить для тебя учителя?

Жулань надула губы, недовольно переминаясь с ноги на ногу. Ван Ши принялась успокаивать её, тогда как Шэн Хун прикрыл лицо руками. Пожилая госпожа Шэн наблюдала за всем этим с лёгкой улыбкой, и когда всё, наконец, затихло, молчавшая до этого Молань внезапно заговорила:

— Пятая младшая сестра ещё слишком маленькая, а каллиграфия требует терпения, конечно,

ей покажется это скучным. Как по мне, изучение стихов и правил куда более интересно. К тому же, я думаю, нет нужды приглашать учителя: первая старшая сестра хорошо в этом разбирается. Почему бы нам не попросить её обучать Жулань? — договорив, она сжала губы и выдавила из себя невинную улыбку.

— Молань права. Вам, девочкам, не придётся сдавать императорский экзамен, да и работать чиновниками тоже, так что вам не придётся заучивать наизусть целые книги, — слова Молань показались Шэн Хуну вполне разумными, и он решил мягко обратиться к своей дочери. — Однако выучить несколько стихов и рассказов не помешает, поскольку это поможет вам обуздать свой темперамент. Так что, если Хуалань поможет Жулань с учёбой в своё свободное время, это будет просто прекрасно. В конце концов, это её обязанность как старшей сестры: помогать своим младшим братьям и сёстрам.

Ван Ши похолодела, она была не готова поверить в происходящее. Хуалань чувствовала себя оскорблённой. Однако пожилая госпожа Шэн перевела взор на единственного человека, который ещё ничего не сказал: Шэн Минлань. Минлань сидела, бездумно разглядывая Молань. Пожилая госпожа Шэн мысленно вздохнула.

Спустя некоторое время бессвязных разговоров Ван Ши медленно перевела тему на церемонию празднования совершеннолетия Хуалань, но когда она собралась обсудить детали, пожилая госпожа Шэн приказала служанке подать завтрак, разделив его на два стола для детей и для взрослых.

Поданный завтрак был неожиданно скромен. Даже Минлань осознавала, что это было что-то непрезентабельное. На столе стояла большая керамическая тарелка, на которой лежали белые булочки на пару и баоцзы с кунжутным маслом. Гарниром к ним шла постная рисовая каша из пропаренного японского риса, подаваемая в небольших тарелках.

Минлань подняла голову и увидела своего старшего брата Чанбая, на лице которого ясно можно было рассмотреть его желание извиниться. Чанфен и Молань, напротив, ели с совершенно спокойным видом. Хуалань и Жулань выглядели обиженными, хотя обычно они вели себя совершенно по-разному, но эта обида делала их похожими.

Поскольку Минлань двигалась медленно, ей помогала служанка. Ей вспомнился недавний завтрак в покоях Ван Ши: медовый торт с корнем лотоса, молочные кремовые рулеты, пирожные из жареного клейкого рисового теста, колбаски с чесноком, кунжутные шарики, красный варёный рис и рис цзюцзюбе, яйца на пару с мясом, тушёное ласточкино гнездо, салат с тушёной говядиной и лапшой, холодная кунжутная лапша с мясным фаршем, и ещё больше дюжины различных блюд, поданных в восьми больших коробках.

Богатые семьи всегда уделяли большое внимание еде и не разговаривали во время приёма пищи, тем более эти шестеро братьев и сестёр были рождены от трёх разных матерей. Они и до этого-то мало разговаривали друг с другом, так что во время еды не было слышно ничего кроме стука ложек и палочек.

После завтрака Шэн Хун поспешил отправиться в свой кабинет, тогда как Ван Ши просто вернулась в свои покои. Детей забрали приписанные к ним служанки, но служанка, ответственная за Минлань, ещё не пришла. Минлань спрыгнула с табуретки и подошла к двери, чтобы посмотреть наружу. Она опасалась бездумно бродить в незнакомом месте, но она же не заблудится, если просто пройдёт до конца коридора, верно?

Архитектура на севере действительно весьма отличалась от архитектуры юга. В коридорах стояли ряды высоких и широких колонн, между которыми были расставлены простые квадратные скамейки. Обстановка не была такой изысканной, как в поместьях префектуры Цюань, но атмосфера здесь тоже была что надо. Минлань шла мимо колонн вдоль стены, она забыла уже, сколько раз коридор поворачивал. Она прошла мимо нескольких комнат, и чем больше их оставалось позади, тем чаще она покачивала головой от удивления. Дом был большим, и он был обставлен простой мебелью. Помимо необходимых вещей в доме не было никаких древностей и произведений искусства. Большинство местных слуг было уже в возрасте. Конечно, здесь было несколько молодых служанок, но они в основном стирали и мыли. Эта часть поместья казалась намного более бедной по сравнению с её покоями. Снаружи не росло ни деревьев, ни цветов, а другая растительность была очень скудной. Здешние залы напоминали холодные пещеры.

«Видимо, слухи не врут», — подумала про себя Минлань.

Эта пожилая госпожа Шэн была из семьи Хоу Юни и из-за этого она была надменной. В своей молодости она даже не видела грязи и в свои ранние годы она, по-видимому, обожала устраивать неприятности. Ходят слухи, что она разругалась и со своей семьёй и с семьёй своего мужа. Когда пожилой господин Шэн умер, она начала познавать жизнь вдовы и кардинально изменилась примерно к тому моменту, как Шэн Хун вырос и женился. Она не держит у себя практически никакого имущества, большую часть всего, что принадлежало ей, она отдала Шэн Хуну, хотя, к тому моменту, у неё оставалось не так уж и много имущества.

Она изолировала себя от остального мира, она перестала есть мясо и целыми днями молилась. Большинство слуг в её покоях последовало её примеру и вскоре это место начало напоминать женский монастырь. Они ели грубую и простую пищу и занимались бессмысленными поручениями. Все дни проходили в серости. В течение некоторого времени они даже запирались в своих покоях и тем самым ещё больше изолировали себя от людей и развлечений. Большинство слуг не желало работать в Шоу'ань и жить в таких условиях, так что работавшие там пожилые слуги были теми, кто прибыл с ней в качестве её приданого.

«Эта компания явно не стоит внимания», — подумала Минлань. — «Пользы с них я не получу, материальных ресурсов у них практически нет, никаких амбиций или стремлений к власти, никакого рвения у слуг».

Свернув за очередной угол, Минлань ощутила неожиданно знакомый запах. Она замерла на месте. Этот аромат вызывал её самые глубокие воспоминания. Несмотря на то, что она хотела забыть о своём прошлом, она всё же пошла на источник запаха и вошла в комнату. Комната оказалась небольшой, по центру стоял красный столик из сандалового дерева, на котором лежало несколько свитков. Слева от стола стояла квадратная табуретка с двойными узорами жуи, с другой стороны квадратный красный столик из сандалового дерева с узорами линчжи.

Осматривая комнату, Минлань заметила маленький алтарь Будды. Он был застелен расшитым чёрно-золотыми узорами хлопком, который пах, как осень. Под ним стоял столик с благовониями, по центру которого стояла курительница с изображением четырёхногого двурогого зверя Писю.

Минлань почуяла запах сандалового дерева. С каждой стороны столика с благовониями стояли стулья, а в центре комнаты был постелен коврик для молитв. Судя по всему, эта комната была неким импровизированным храмом. Помимо курительницы на столике с благовониями стояла изящная статуя уважаемой Гуаньинь. Минлань подняла голову, чтобы осмотреть её и поняла, что Гуаньинь выглядела величаво, но мрачно. Её лик был полон сострадания, как будто бы она видела все страдания людей. Внезапно из глаз Минлань покатались слёзы. Она вспомнила свою маму Яо. До того как она уехала в деревню, её мать купила нефритовый медальон с изображением Гуаньинь и освятила его в храме. После этого она безустанно надоедала дочери просьбами взять его с собой, чтобы её поездка была безопасной. Тогда Яо Ии раздражало это нытьё, и она поспешила поскорее забраться в машину и уехать. Сейчас она бы очень хотела услышать голос мамы, но не могла.

Она вспомнила последние секунды своей прошлой жизни, до того как она потеряла сознание. Она помнила, как кто-то вскрывал дверь машины ломом, судя по всему, кто-то действительно прибыл спасти их, но не успел. «Интересно, госпожа судья и мои коллеги смогли выжить?», — подумалось ей. — «Или, быть может, только она одна умерла при исполнении служебных обязанностей?». В этот момент на неё нахлынула печаль, вскоре сменившаяся раздражением. Спустя какое-то время в её голове не осталось ни одной позитивной мысли. Она чувствовала, как воля к жизни вновь утекает из неё.

Она ощущала, что небеса обошлись с ней очень несправедливо. Если её смерть действительно была предрешена судьбой, то она хотя бы могла переродиться в тело получше. Почему Хуалань, Жулань и даже Молань окружены заботой, тогда как ей приходится начинать с нуля и бороться за право жить. Мало того, что ей приходилось разбираться в этом незнакомом для неё мире, так ей ещё и нужно было мириться с Ван Ши, которая даже не приходилась ей биологической матерью. Ей, определённо, придётся страдать и терпеть всё это молча. Так что ей нужно было привыкать к подобному ощущению тоски, и, как будто этого было мало, теперь ей ещё и придётся учиться угадывать мысли человека по выражению его лица и овладевать всеми другими навыками, необходимыми для выживания женщины в древние времена.

Прямо сейчас не было похоже, что женщине было так уж легко выжить в этом мире.

Когда-то давно она смотрела дораму «Осень в моём сердце», все её друзья плакали, когда видели ужасную судьбу и страдания Ын Со, но одна лишь Яо Ии симпатизировала Шин Е. Из всего списка женских персонажей Ын Со была показана наиболее красивым и добрым человеком, тогда как Шин Е была изображена рассудительной, но грубой. Всем и всегда нравилась Ын Со и все игнорировали одну проблему: изначально родиться в богатой семье и быть первой старшей дочерью должна была Шин Е. Она должна была с рождения наслаждаться теплом и уютом семьи, тогда как Ын Со должна была жить в том грязном маленьком магазинчике и терпеть нападки со стороны матери и старшего брата.

Яо Ии считала, что с Шин Е обошлись несправедливо. Если бы она с самого начала росла в

уютной обстановке, где все заботились о ней, то она бы не выросла в столь жёсткого человека, который возмущается по поводу всяческих мелочей. Именно из-за этого негативного опыта, даже когда она в будущем вернулась в свою семью, между ней и её матерью была некая отчуждённость. Они так и не смогли сблизиться с достаточно, чтобы называться матерью и дочерью. Кто должен был отплатить этот долг Шин Е?

Смотря на вещи в таком ключе, Яо Ии даже решила, что смерть главного мужского и главного женского персонажей была расплатой для Ын Со за эту несправедливость. Она определённо должна была умереть от лейкемии, потому что не только незаслуженно получила десять лет счастливой жизни, не принадлежащей ей, но также по её вине умер единственный сын её предыдущих родителей. В конце концов, единственным ребёнком, оставшимся преданным семье, осталась вечно нелюбимая Шин Е. Конечно же, Ын Со вызывала жалость, но разве Шин Е её не вызывала?

Яо Ии считала, что здесь произошло тоже самое. Её изначально счастливая жизнь была украдена и заменена на эту «жизнь» в теле несчастной девочки. Если бы она переродилась в девочку, с которой бы все носились, тогда она бы чувствовала себя виноватой, что забрала чужую жизнь, тогда бы ей не пришлось постоянно прятать свои чувства, она бы приняла реальность. Но ситуация была прямо противоположной вышеописанному.

Пусть в её прошлой жизни у неё не было слуг, но зато у неё была свобода. Она уже пережила вступительные экзамены в колледж и поиски работы, другими словами, первые из главных сложностей жизни были уже позади. У неё была хорошая работа и уютный дом. Она вспомнила, что за пару дней до её смерти, её мама позвонила ей и сообщила, что какой-то замечательный парень звал её на свидание. Так что если бы в её жизни не случилось каких-нибудь драматичных событий, неизлечимой болезни или автокатастрофы, она бы прожила жизнь обычной девушки. Хорошую, но простую.

Ну а что же насчёт её нынешнего тела, юной госпожи Минлань? Её ныне покойная биологическая мать была наложницей. К сожалению, ей не повезло переродиться в это тело уже после её смерти. У её отца было три сына и четыре дочери и, судя по всему, ему не очень-то нравилась конкретно она. Кроме того, была его законная жена, которая совершенно не стремилась показать себя образцом добродетели подобно девице Марии. Единственным преимуществом этого места было то, что ей не придётся сдавать какие-либо экзамены. Но с другой стороны, самыми ужасными недостатками были отсутствие права выражать своё мнение в выборе будущего мужа, и в целом вся её жизнь зависела только от воли случая. Здесь не было полиции, не к кому было обратиться в случае домашнего насилия, в решении проблем она могла полагаться только на саму себя. Если бы у её мужа появилась любовница, то неважно, сколько бы их появилось, она не могла никак воспротивиться этому. Ей было позволено лишь быть добродетельной и относиться к ним, как к сёстрам. В этом мире просто не было никаких судов, в которые можно было бы обратиться, пожаловаться на неверного мужа и потребовать развода.

Ах да, есть же проблемы похуже. Ей, скорее всего, вообще не светит роль законной жены, ведь обычно дочери наложниц становятся только наложницами. В этой новой жизни было столько трудностей, как можно было двигаться дальше? Но она могла только смириться.

Она последовала примеру матери и, поклонившись, начала молиться статуе Гуаньинь. Сложив руки вместе, она молилась за здоровье и благополучие её матери и брата в другом мире, за то, что они не будут беспокоиться о ней, и что отныне, с сегодняшнего дня, она будет следить за своим рационом, восхищаться реками и горами и честно попытается жить дальше.

Из её глаз покатались горячие слёзы, в горле стоял ком, слёзы беспрепятственно стекали по её слабому и изящному лицу на светло-бирюзовый коврик для молитв. Некоторые из них падали на коврик и впитывались в него, а некоторые падали на пол и смешивались с пылью. Лучи утреннего солнца проникли внутрь через витраж цвета лотоса и залили комнату тёплым, мягким и прекрасным светом.

Маленькое тело Минлань лежало на коврике для молитв, в её сердце царило необыкновенное умиротворение. Она молилась шёпотом, молилась от всего сердца, прося Гуаньинь о милости, прося помочь ей найти себя, указать ей путь сквозь все предстоящие лишения. Она просила, чтобы не было больше ничего, что могло бы взволновать или напугать её. Она молилась о том, чтобы все, кто пойдёт против неё, испытали всю полноту её горя.

Примечания:

- 1) Шоу'ань – Зал Мирных Веков
- 2) А в этой главе мы увидели ещё одну рецензию на дораму... Автор, пожалуйста, ну хватит уже спойлеров к другим произведениям, мы и сами их посмотрим. :(

<http://tl.rulate.ru/book/5280/333959>